

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

Несколько слов о мизинце господина Булгарина, или Торжество дружбы

В 1831 г. в журнале «Телескоп» появился памфлет А. С. Пушкина (подписанный Феофилактом Косичкиным) «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» — ответ на статью Н. Греча в № 27 «Сына Отечества» «Литературные замечания» (далее — ЛЗ). Как утверждалось в пушкинской статье, непосредственным поводом для ее написания (и источником заглавия) стала следующая фраза из ЛЗ:

«Я решился на сие не для того, чтоб оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов»¹.

Первоначально на эту фразу внимание Пушкина обратил П. А. Вяземский в письме от 27 июля 1831 г.:

«Кинь это в “Литературную газету”: “В конце длинной статьи, написанной в защиту и в оправдание Булгарина, критикованного “Телескопом”, г-н Греч говорит: “Я решился на сие не для того, чтоб оправдывать или защищать Булгарина (который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов). — Жаль же, сказал один читатель, что Булгарин не одним мизинцем пишет”. А если хочешь, дай другой оборот этому. Во всяком случае на этом мизинце можно погулять и хорошенько расковырять им гузно»².

Что любопытно, уже на следующий день (т. е. 28 июля) было получено цензурное разрешение на выпуск № 30 «Молвы» (вышедшей, соответственно, 29 июля), в которой был опубликован ответ Надеждина на ЛЗ, содержащий, в частности, следующий пассаж:

«Но я не могу скрыть от моих читателей блестящей мысли, кою он [Греч] заключает свои замечания. “В одном мизинце Булгарина” — говорит Г. Греч — “более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов”. Ай да мизинец! Умен малютка! Жаль, очень жаль, что почтенный Ф. В. Булгарин не мизинцем пишет свои романы, или, по крайней мере, не ссудил им Г. Греча на составление в защиту Выжигиных статейки, сколько-нибудь достойной сочинителя Грамматик и одной Учебной Книжки»³.

Пушкин, живя в Царском Селе, номер «Молвы» если и получил, то не сразу: в ответном письме от 3 августа он обещает Вяземскому, что его замечание о мизинце не пропадет. Впрочем, воспользовавшись

советом Вяземского, Пушкин действительно даст другой оборот этой истории и в своей статье, которая будет написана только в начале сентября, сосредоточится не на мизинце (который станет лишь поводом), а на «защите и оправдании», иными словами, если обратиться к названию, ключевым окажется скорее «прочее».

«Несколько слов о мизинце г. Булгарина» — вторая статья Пушкина, написанная в ответ на ЛЗ. Первая, также за подписью Феофилакта Косичкина, появилась месяцем ранее и называлась «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов». В ней содержался оскорбительный для Булгарина сравнительный анализ творчества и заслуг Булгарина и его литературного антагониста А. А. Орлова, писавшего лубочные продолжения романа о Выжигине. На первый взгляд, ничего нового к этому ответу «Несколько слов о мизинце г. Булгарина», также посвященные защите Орлова от нападок, не добавляли, а потому встает закономерный вопрос: что послужило причиной для написания этой статьи?

Борис Павлович Городецкий в статье 1948 г.⁴, подробно изучив публикации Булгарина в «Северной пчеле» того периода, проанализировал полемический подтекст пушкинской статьи и пришел к выводу, что именно новые скрытые нападки на Пушкина во многом побудили его написать второй ответ. Впрочем, точно выявляя эти намеки, Городецкий, как представляется, не всегда верно их интерпретирует, а потому его объяснение не дает ответа на вопрос, почему ответ на булгаринские нападки из «Северной пчелы» Пушкин написал в виде ответа на ЛЗ Греча? В качестве главного повода Городецкий приводит выдержку из статьи Булгарина «Письмо копииста Мирона Бульбулькина», в которой в виде плана романа дается описание жизни молодого представителя высшего света:

«Глава 1. Воспитан Французом гувернером, или Французом содержанием пансиона, и научился танцевать, говорить по-французски, не знать России и не уважать ни старших, ни родителей, если от них нельзя надеяться повышения или денег. Глава 2. Записан в службу и служит... кое-как! Карты, волокитство, завиральные идеи, болтовство, скука, пресыщение, — одно и то же! Глава 3. Путешествие за границу»⁵.

Городецкий утверждает, что Пушкин был оскорблен намеками на свою биографию, однако более вероятным представляется другой вариант. Приведенный план романа призван был подчеркнуть особенность сочинений о жизни светского общества, о которых здесь же Булгарин говорит следующее:

«Одним словом: все наши сочинения от того сухи, безжизненны, бесхарактерны, что мы стараемся подделываться под лад того круга, которого характер есть бесхарактерность, жизнь — цепь приличий, язык — звук исходящий из головы, а не из сердца»⁶

и

«Прошу покорно тронуть этим, увлечь душу, заманить завязкой! Где же тут страсти, где сердце, где благородные порывы души, сии материалы для гения?»⁷

Булгарин подчеркивает, что сочинения «литературных аристократов» скучны оттого, что таков их предмет — жизнь высшего общества, и в этом Пушкин не мог не увидеть намека на «Евгения Онегина». Утверждая, что пушкинский роман скучен, Булгарин отвечал на известную эпиграмму Пушкина, завершавшуюся строкой «Беда, что скучен твой роман». По поводу этой эпиграммы, кстати, Булгарин несколько ранее уже отзывался в рецензии на альманах «Денница»:

«Одно сокрушило нас в этом курьезном альманахе, а именно: мы удостоверились, что Поэт, на которого Русская Литература некогда надеялась, как на подпору свою, написав в последние годы несколько неудачных произведений, пустился в эпиграммы, наполненные желчью и лишённые притом всякого эпиграмматического достоинства, т. е. остроты и веселости»⁸

Итак, возвращаясь к причинам написания «Нескольких слов о мизинце г. Булгарина», отметим, что статья эта содержала ответы на оба вызова. Во-первых, Пушкин возвращает Булгарину обвинение в отсутствии остроты и веселости:

«...удивляюсь охоте некоторых людей, старающихся представить смешными вещи, вовсе не смешные, и которые даже не могут извинять неприлия мысли остроумием или веселостию оборота»⁹

Во-вторых, в ответ на предложенный Булгариным поглавный план жизни представителя высшего общества Пушкин представляет альтернативный план романа «Настоящий Выжигин», содержащий прозрачные намеки на сомнительные эпизоды из биографии Булгарина и одновременно пародировавший роман Булгарина «Иван Выжигин», предметом которого было не высшее общество, а средний класс. Таким образом, Пушкин отвечает на брошенные Булгариным вызовы, что, по-видимому, и стало причиной написания статьи. Впрочем, ответом Пушкин не ограничился — и бросил следующий вызов и именно для этого ему необходимо было вновь вернуться к «Литературным замечаниям» Греча.

Для понимания скрытого смысла статьи Пушкина необходимо остановиться на двух следующих фразах.

«Может быть, [...] я слишком лестно отзываюсь о самом себе; я мог бы говорить в третьем лице и попросить моего друга подписать имя свое под сими справедливыми похвалами, но я гнушаюсь таковыми уловками»¹⁰ и «Я человек миролюбивый, но всегда готов заступиться за моего друга; я не похожу на того китайского журналиста, который, потакая своему товарищу и в глаза выхваляя его бредни, говорит на ухо всякому: “Этот пачкун и мерзавец ссорит меня со всеми порядочными людьми, марает меня своим товариществом; но что делать? он человек деловой и расторопный!”»¹¹.

Взятые по отдельности, эти фразы воспринимаются как безличные иносказания, однако прочитанные вместе они приобретают характер прозрачного намека, смысл которого в том, что настоящим автором «Литературных замечаний» был не Греч, а сам Булгарин, о чем Греч, возможно, сообщал различным знакомым. То, что намек на авторство относится именно к «Литературным замечаниям», подтверждается следующей цитатой: в ЛЗ преувеличенные похвалы в адрес уважаемого журналиста завершаются фразой:

«Читатели догадаются, что дело идет о сочинениях Ф. В. Булгарина»¹².

Почти дословно (с соответствующими изменениями) эта фраза повторяется и в статье Пушкина, предшествуя самовосхвалениям Феофилакта Косичкина и сообщению о невозможности говорить о себе в третьем лице:

«Просвещенный читатель уже догадался, что дело идет обо мне, о Феофилакте Косичкине»¹³.

Иными словами, статья «Несколько слов о мизинце г. Булгарина» оказывается указанием на то, что если Пушкин (в лице Феофилакта Косичкина) готов защищать А. А. Орлова, то Булгарина не готов защищать даже его ближайший соратник — Н. Греч. Образ рассыпающегося в похвалах себе журналиста, которого отказывается поддерживать даже его ближайший товарищ, был достаточно жалким, а главное — практически лишал Булгарина возможности ответить на такое оскорбление.

Намеки на то, что автором статьи был не Греч, а Булгарин в завуалированном виде содержались и в других статьях. Так, еще в «Торжестве дружбы» Пушкин писал:

«Ныне Николай Иванович, почитая Фаддея Венедиктовича оскорбленным в статье, напечатанной в №9 “Телескопа”, заступился за своего товарища со свойственным ему прямотушием и горячностью»¹⁴,

и далее:

«Мы первые громко одобряем Н. И. за его возражение, приносящее столько же чести его логике, как и горячности чувствований»¹⁵.

Эта активно подчеркиваемая «горячность» у современников в последнюю очередь вызывала ассоциации с Гречем и, напротив, почти прямо указывала на Булгарина, славящегося этой чертой. И все же утверждать, что автором статьи был не Греч, а Булгарин, основываясь исключительно на намеках, было бы опрометчиво, поэтому попытаемся привести другие аргументы.

I. ЛЗ были написаны в ответ на критику романа Ф. В. Булгарина «Петр Иванович Выжигин», опубликованную в журнале «Телескоп». Характер приводимых в защиту романа аргументов обнаруживает не просто хорошее знание истории данного периода, но, в большей степени, знание текста романа, поскольку в большинстве случаев в качестве ответа требовалось лишь пояснить авторскую мысль.

II. ЛЗ содержат немало переключек с другими статьями Булгарина. Так, по содержанию и тону эта статья повторяет уже упоминавшуюся критику на альманах «Денница»: в обоих случаях создается образ незаслуженно разруганного безграмотными журналистами Булгарина, который не собирается отвечать на критики, в обоих случаях встречаются обороты: «бранить немилосердо», «бессильная злоба и пошлая брань» и др. Более того, в ЛЗ в сжатом виде присутствует развернутая потом в «Северной пчеле» и метящая в Пушкина мысль о том, что средний класс, о котором пишет Булгарин, представляет собой гораздо больший интерес, чем высшее общество, о котором у нас нельзя написать иначе как скучно:

«Для высшей нашей публики пишут Виктор Гюго, Альфред де Виньи, Вальтер-Скотт, да она и такова, что сама не представляет картин оригинальных»¹⁶.

III. ЛЗ заканчиваются следующим пассажем:

«Говорят, что я сими замечаниями накликаю на себя тму ругательств. А мне какое до того дело? Я исполнил долг честного человека. Меня и так эти люди бранят безпоощадно: пусть же будет у них теперь какой нибудь предлог»¹⁷.

Со стороны Греча такое высказывание почти невозможно: несмотря на активное и тесное сотрудничество с Булгариным, Греч, в отличие от него, весьма редко становился объектом нападок сам по себе, но еще реже он сетовал на это вслух, поддерживая свою репутацию уважаемого всеми журналиста и подчеркивая, что если ему и достается, то только за дружбу с Булгариным. Напротив, для Булгарина весьма характерны и образ «один против всех», и жалобы на недоброжелательное отношение и необоснованные нападки¹⁸.

Дополнительным аргументом в пользу авторства Булгарина может выступать тот факт, что та самая исходная фраза про мизинец, которая от лица Греча выглядит скорее издевательством, из уст Булгарина звучит вполне осмысленно.

В русском языке оборота, использованного в этой фразе (во всяком случае — устойчивого), не существует, хотя сам «мизинец» входит в несколько устойчивых выражений. Из них наиболее близкое нам по смыслу — «мизинца чьего-либо не стоить», зафиксированное, в частности, в словаре В. И. Даля. Вместе с тем признать его источником фразы сложно — несмотря на похожий смысл, в этом выражении совершенно иначе расставлены акценты, а также, как следствие, принципиально иное строение фразы, что в данном случае — едва ли не решающий аргумент. Исходя из этого можно предположить, что эта фраза не была спонтанной вариацией распространенной поговорки, а имела конкретные источники.

В ноябре 1824 г. в период ссоры с А. Ф. Воейковым Булгарин получил от него письмо, в котором, в частности, говорилось следующее:

«Вы знаете пословицу: «Dis moi qui tu hante, je dirai qui tu es»? Я живу вместе с Жуковским; каждый день с Засядкою, А. И. Тургеневым и Перовским; весьма часто с Гнедичем, Дашковым, Блудовым, Михайловым (переводчиком Бенгта и директором министерства внутренних дел), Адлербергом, И. И. Козловым, Н. И. и С. И. Тургеневыми. Теперь, видите ли, милостивый государь, что каждый из друзей моих мизинцем одним перевешивает всех клеветников, кои из зависти и из природной склонности ссорят людей, которым не за что ссориться и у которых кроме обоюдного уважения и готовности к услугам ничего быть не может»¹⁹.

Письмо это вероятнее всего было памятно Булгарину, поскольку затрагивало наиболее болезненную тему — отсутствия крепких связей в высшем (в частности — литературном) обществе и, как следствие, крайнюю незащищенность Булгарина как «чужака», с одной стороны, претендующего на статус «своего», с другой — беспрестанно, по незнанию, нарушающего негласный кодекс, действующий в этом обществе. Особенно важно, что в 1824 г. эта проблема стоит для Булгарина наиболее остро — в конце 1823 г. Булгарин перестает быть активным членом Вольного общества любителей российской словесности, хотя именно это общество давало ему прежде необходимое ощущение «домашности», пользуясь выражением В. Э. Вацура, или, по словам самого Булгарина, «семейственности», в результате чего ему пришлось полностью перестроить свою литературную политику. Однако в качестве журналиста-одиночки он немедленно становится объектом бесконечных критик и обвинений, от которых, к примеру, был избав-

лен сам Воейков, находившийся под негласной протекцией Жуковского (именно из уважения и любви к Жуковскому многие журнальные выходы Воейкова не получили никакого отклика, в то время как просчеты Булгарина чаще всего становились поводом для многочисленных нападков и обвинений). Более того, ситуация 1824 г. во многом была сходна с рассматриваемой ситуацией 1830—1831-х гг.: в 1824 г. Булгарин оказывается участником невероятного количества литературных полемик, в числе его оппонентов — Кюхельбекер, Одоевский, Воейков, Вяземский, Шаликов и проч., причем в большинстве случаев ему не удается выйти победителем. Аналогичная ситуация складывается и в 1830—1831 гг. — теперь его оппонентами выступают так называемые «литературные аристократы», Н. Надеждин и прочие, примкнувшие к ним. Не исключено, что именно параллельность этих ситуаций, в результате которых серьезный урон наносится репутации Булгарина, и заставила его вспомнить процитированное письмо в 1831 г.

Вместе с тем ни о каком уме в письме Воейкова речи не идет, однако можно предположить, что у рассматриваемой фразы был еще один источник, на этот раз — литературный:

*Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запретить пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!*

Этот источник сам по себе, конечно, не может указывать на авторство Булгарина — «Горе от ума» прекрасно знали оба потенциальных автора. Впрочем, для Булгарина этот текст был, пожалуй, более значимым: отношениями с Грибоедовым он очень дорожил, в 1825 г. в альманахе «Русская Талия» опубликовал отрывки из комедии, а в 1828 г. получил от Грибоедова собственный экземпляр для последующей публикации. В журнальных статьях он отзывался о «Горе от ума» всегда восторженно и любил к месту и не к месту цитировать. Однако приведенная цитата в комедии Грибоедова носит характер откровенно иронический (это реплика княгини по отношению к Чацкому в процессе распространения слухов о его сумасшествии), почти издевательский, ее осознанное использование для автохарактеристики представляется весьма маловероятным. Вместе с тем эта цитата — не из самых известных, и можно предположить, что Булгарин не слишком хорошо помнил контекст, скорее даже — не помнил вовсе. Тот факт, что она оказалась сплетена с цитатой из письма Воейкова, объясняется, скорее всего, случайной аберрацией. Можно лишь сделать некоторые

предположения относительно того, почему это произошло: с одной стороны, не исключено, что письмо от Воейкова Булгарин получил тогда же, когда впервые услышал «Горе от ума» — известно, что Грибоедов приехал в Петербург в июне 1824 г., но лишь с середины октября начал поощрять создание списков и активно читать комедию (до этого не считая работу над ней оконченной). Письмо от Воейкова получено в конце ноября того же года. С другой стороны, «князь-Петр» вполне мог ассоциироваться у Булгарина с Вяземским и тогда вся цитата оказывалась встроена в тот же полемический контекст.

Итак, можно предположить, что фраза *«ибо у него в одном мизинце более ума и талана, нежели во многих головах рецензентов»* была своеобразным ответом и на статьи из «Телескопа», и на письмо А. Ф. Воейкова, полученное в схожей ситуации. Если исходить из того, что автором все же был Булгарин, то, утверждая, что он сам принадлежит к числу людей, *«которые одним мизинцем перевешивают всех клеветников»*, Булгарин одновременно отвечал на критику «Телескопа», приравнивая рецензентов к «клеветникам», и, с семилетним опозданием, на вызов Воейкова — заявляя, что ему нет дела до влиятельных друзей последнего. Впрочем, строя образ окруженного врагами честного журналиста, Булгарин рассчитывал на поддержку Греча. Греч же, ведя двойную игру, тайком старался отмежеваться от Булгарина, на что и намекал Пушкин в своей статье.

Примечания

- ¹ Пушкин А. С. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1978. С. 176.
- ² Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1982. С. 305.
- ³ [Надеждин Н. А.] От Издателя Телескопа и Молвы // Молва. 1831. № 30. С. 59–60.
- ⁴ Городецкий Б. П. К истории статьи Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 329–340.
- ⁵ [Булгарин Ф. В.] Письмо копииста Мирона Бульбулькина о премудрости и суете мира сего // Северная пчела. 1831. № 198.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ [Булгарин Ф. В.] Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем / Максим Хохлович // Сын Отечества. 1831. № 20. С. 326.
- ⁹ Пушкин А. С. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем. С. 178.
- ¹⁰ Там же. С. 177.

- ¹¹ Там же. С. 178. В комментарии, содержащемся в книге «Пушкин в прижизненной критике: 1831—1833» (СПб., 2003), утверждается, что Пушкин здесь намекает на свойственное Гречу стремление отмежеваться от Булгарина в частных разговорах и не отсылает ни к какому конкретному эпизоду полемики, продолжая обыгрывать жанр «китайского анекдота», изобретенный Булгариным (с. 475).
- ¹² [Булгарин Ф. В.] Литературные замечания / Н. Греч // Сын Отечества. 1831. № 27. С. 60.
- ¹³ Пушкин А. С. Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем. С. 176.
- ¹⁴ Пушкин А. С. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. С. 169.
- ¹⁵ Там же. С. 170. Схожим образом подчеркивает горячность Греча и Надеждин: «По счастью, Ф. В. Булгарин живет теперь в Дерпте; и Н. И. Греч, без сомнения щадя его спокойствие, по собственному признанию не посылает к нему Телескопа. Но за то сам он вступился со всею горячностью за уединенного отшельника. Порыв дружбы, не слишком обыкновенный в наши железные времена!» (Молва. 1831. № 30). В том же номере, повторяя приведенный нами выше анекдот про мизинца, Надеждин выделит курсивом слова «свои замечания», относящиеся к ЛЗ Греча, что также можно посчитать скрытым намеком.
- ¹⁶ [Булгарин Ф. В.] Литературные замечания. С. 63.
- ¹⁷ Там же. С. 68.
- ¹⁸ В качестве совсем уже косвенных приведем еще пару аргументов. В «Северной пчеле» от 25 августа 1831 г. Булгарин пишет, намекая на Надеждина: «Какой нибудь семинарист, приглашенный кваском, потряхивающий косичкою, [...] верует, что он чудо и надежда своего века», снабжая этот пассаж примечанием: «Прошу покорно извинения у Г. Греча, что похитил у него сии картинные черты из статьи его: Литературные замечания в № 27 Сына Отеч. И Сев. Архива на 1831 год». Действительно, в ЛЗ присутствует и «какой-нибудь приглашенный кваском семинарист» и «Издатель Телескопа, растянувшийся плашмя, потряхивая косичкою», однако эти черты даны в ЛЗ не как единый образ, а на разных страницах (одно из них в примечании), что несколько затрудняет прямое их заимствование. В качестве скорее шуточного свидетельства можно привести и примечание Булгарина к статье «Похвальное слово безграмотным», к которой также отсылает Пушкин в «Нескольких словах о мизинце г. Булгарина» и которая стала первым полемическим выступлением Булгарина после публикации ЛЗ: «Статья сия сообщена стариком Архимом Фаддеевичем, который некогда помещал статейки своего сочинения в Северной Пчеле, Сев. Архиве и Литер. Листках, но наскучив литературными сплетнями, пристрастными суждениями полуграмотных судей Литературы и различными кознями, порождаемыми завистью, удалился от света в пустыню, как мышь в Голландский сыр (см. басню И. И. Дмитриева), и отказался от всякого участия в Русской Литературе. Архим Фаддеевич

пишет, что статью сию он нашел на большой дороге, возвращаясь с поля, после посева гречихи». Учитывая, что речь идет о середине августа, велик соблазн прочитать «посев гречихи» иносказательно, как намек на публикацию статьи под именем Греча (такой вариант тем более вероятен, что все, кто намек этот могли дешифровать, высказывали признаки осведомленности относительно истинного авторства).

- ¹⁹ Из архива Булгарина: Письма к нему разных лиц // Русская старина. 1901. Т. 105. Кн. 2. С. 385.